

Я забыл умереть

Автор:

[Халил Рафати](#)

Я забыл умереть

Халил Рафати

Новая реальность

Глядя на цветущего мужчину с обложки, невозможно поверить, что он был законченным наркоманом, скитался по улицам и пережил целых девять передозировок. Сейчас же он – миллионер, владелец преуспевающего бизнеса, роскошного дома и частного самолета. В своей книге Халил Рафати честно и без прикрас расскажет о жизни на самом дне, борьбе с героиновой зависимостью и о головокружительном подъеме до статуса успешного предпринимателя. Эта книга воодушевляет и доказывает, что зачастую успех определяется только решимостью и твердостью характера ? вне зависимости от внешних обстоятельств.

Халил Рафати

Я забыл умереть

I Forgot to Die, Khalil Rafati

Copyright © 2015 Khalil Rafati.

All rights reserved.

This edition is published by arrangement with WAXMAN LEAVELL

LITERARY AGENCY and The Van Lear Agency LLC

© Табенкин М. Л., перевод на русский язык, 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

Книги, которые вдохновляют

Влюбиться в жизнь. Как научиться жить снова, когда ты почти уничтожен депрессией

Бестселлер № 1 по версии Sunday Times. Мэтт Хейг – британский журналист и писатель, рассказывает про свой личный опыт жизни и борьбы с депрессией, дает рекомендации и список причин, которые помогли ему жить дальше. Книга будет полезна не только тем, кто борется с болезнью, но и тем, кто подавлен серыми будничными днями. А также научит здоровых людей правильно вести себя с теми, у кого депрессия.

В погоне за счастьем

Реальная история, которая легла в основу вдохновляющего фильма. Сегодня Крис Гарднер – предприниматель, директор многомиллионной брокерской компании. Но в прошлом – бездомный отец-одиночка с малолетним сыном на руках... Удивительные мемуары человека, которому удалось пережить самый сложный период в жизни и достичь невероятного успеха и самореализации.

Замок из стекла

Всего за несколько недель эта книга превратила молодую журналистку Джаннетт Уоллс в одного из самых популярных авторов Америки. В этой книге Уоллс рассказывает о своем детстве и взрослении в многодетной и необычной семье, в которой практиковались весьма шокирующие методы воспитания. Многие годы Джаннетт скрывала свое прошлое, пока не поняла, что, только освободившись от тайн и чувства стыда, она сможет принять себя и двигаться дальше.

Перерождение

Вы хотите вырваться из ловушки серых будней? Эта книга станет для вас открытием. Победитель «Битвы экстрасенсов» Свами Даши делится сокровенными воспоминаниями о своем духовном Пути. Наполненная невероятными историями путешествий, удивительными встречами, курьезными случаями, иронией, философскими размышлениями и практическими советами, эта атмосферная книга сделает ваш день, месяц, год, а возможно, и целый этап в вашей жизни.

Отзывы читателей со всего мира

На страницах этой книги наркозависимые наверняка узнают себя. Но их сердца наполнятся любовью и надеждой. Какая трагическая история загубленной молодости! И чудесное воскресение павшего духа, который теперь вдохновенно служит людям! Даже за одну лишь спасенную жизнь – молодой женщины Сары – автор заслуживает благодарности. Но его книга указывает путь многим.

Шелли

Из самых глубин – к достойной и созидательной деятельности. Потрясающая воля к жизни! Когда я лечилась от наркозависимости, именно книга Халила вела меня к моей личной победе – я поднималась и падала, ползла, если не было сил идти... Спасибо тебе, Халил, за твой опыт, мужество и, самое главное, за

надежду я – ты протянул мне руку, чтобы я могла встать!

Анна

Я знал Халила в первый год его трезвой жизни – тогда он был совершенно надломленным человеком. Как это впечатляет, когда преображение совершается буквально на твоих глазах! Я прочитал эту книгу на одном дыхании, всего за два вечера. И понял: КАЖДЫЙ может изменить свою жизнь, если даст себе такой труд!

Кимберли Лиду

Смело, жестко и brutally. Как низко можно пасть в погоне за кайфом!.. У этой истории счастливый финал. Я рада, что Халил обрел свое счастье, что сегодня он успешный бизнесмен. Так пусть же и дальше радуется жизни и помогает другим!

Кэти М.

Я навеки признателен Хейли Горси, – ее любовь, терпение и понимание были благословением для меня, они изменили мою жизнь.

Также я должен поблагодарить Рика Рубина. Он – потрясающий наставник, вдохновитель и движущая сила в моей жизни. И моего замечательного учителя, редактора и друга Нила Стросса. С ним я поборол страх, который мешал мне написать эту книгу.

Наконец, я очень благодарен Джереми Брауну, Заху Оброну, Тукеру Максиму и всему издательскому коллективу Book In a Box за то, что вы помогли претворить в жизнь мою мечту.

Глава первая

Лето 2001 года

«Ты умрешь, если тебе не помогут»

Я впадаю в забытие, а затем снова прихожу в сознание, силясь разобрать лицо человека, склонившегося надо мной.

«Если ты не обратишься за помощью, ты умрешь!»

Твою мать, я помню его голос. Похоже, я опять принял слишком большую дозу, и не в меру усердный сотрудник скорой помощи попытался сделать из меня жертву своей жестокой любви. Что за непраха! Это голос отца моей девушки.

Черт побери, почему она его впустила?

Голос возмущается нашей безответственностью. Как мы дошли до жизни такой? Снова и снова. Как заевшая пластинка. Я лежу с открытыми глазами, но не реагирую. Сначала надо оценить ситуацию. Рядом стоит отец Дженнифер. И так, вся семья в курсе. Я медленно плетусь в ванную.

Мать твою, похоже, здесь разорвалась бомба. Везде иглы и кровь. Я дважды бьюсь лбом о стену. Никому нет дела. Всем пофиг. Я тру плечо и натыкаюсь на пластырь.

Дело дрянь. Понятно, почему мне не больно. Пластырь Дюрогезик с обезболивающим эффектом на семьдесят два часа.

Хвала Господу. Я продержусь до тех пор, пока Дженнифер выпроводит отца и сестру.

Я разгоняю полчища мух над толчком. В зеленых пластиковых бутылках плещется темно-желтая моча. Я поднимаю сиденье унитаза.

А, вот откуда здесь мухи. Хозяйка опять отключила воду.

Я мочусь в раковину. Рядом валяются маникюрные щипчики, ножницы, пинцет для носа, две бутылки пергидроля и банка растворителя.

Медленно поднимаю голову и гляжу на себя в зеркало.

С левой щеки и между бровями слезли куски кожи.

Ободрана правая ноздря, и в паре мест ободралась кожа со скальпа.

На стене моей кровью и моей рукой написаны слова:

ДА ПОМОЖЕТ МНЕ БОГ.

* * *

Я родился в 1969 году в городе Толидо, штат Огайо, в год Петуха – светозарной птицы. Я появился на свет недоношенным, потому что, как выразилась моя мать, отец немного «погорячился». Она хотела сказать, что он ее избил. Мой папа был палестинцем, но дети в школе дразнили его «песчаным ниггером», а моя мама была полячкой – они приплыли в Америку на корабле.

На углу улицы сидел старик индеец. В нашей округе все были белыми красивыми людьми с голубыми или зелеными глазами. Все, кроме моего отца и этого старика индейца. Кожа моего отца была коричневой, и этот коричневый цвет был цветом ярости. Старый индеец был очень коричневым, но его коричневый был цветом печали и переходил в красный. Я был счастлив, когда начинался дождь, потому что индеец был ужасно грязным, а дождь смывал с него грязь. В другой раз, когда начнется дождь, я не убегу. Я буду сидеть неподвижно, как этот старый индеец, и стану чистым.

О прошлом моего отца мне известно мало. Знаю, что он родился в Иерусалиме, в бедной арабской семье. Однажды он рассказал мне историю, как мальчиком прогуливал уроки и играл в доме своей кузины. Когда моего отца там нашел его отец – мой дед, – он избил всех родственников и заставил моего папашу бежать двадцать километров обратно до дома, а сам дедушка ехал за ним на велосипеде. Всякий раз, когда он валился с ног от усталости, дед слезал с

велосипеда и бил его кулаком.

Один из моих родственников как-то рассказал мне на ломаном английском еще одну историю о моем отце – как он бросил свою первую жену с детьми в Палестине. Он уехал в Германию на заработки и задержался там, – семья уж и не думала, что он вернется. Но через пять лет отец все-таки вернулся. Его жена к тому времени вышла замуж за его брата, и у них родился ребенок.

Может, мой отец когда-то и любил своего брата, но ко дню моего рождения он уже не любил никого. Жизнь его ожесточила. И он был абсолютно уверен, что мир – плохое место для жизни.

С матерью все было еще хуже. Когда началась Вторая мировая война, она была маленькой девочкой и жила в Польше. Ее отец погиб, сражаясь в море с нацистами. Ее мать пыталась бежать в Венгрию, но перейти границу было очень трудно, а вместе с ребенком и вовсе невозможно, и поэтому она подбросила мою маму чужим людям, а сама переехала жить к двум сестрам. И вместе с приютившими ее людьми мою мать угнали на Украину, затем отправили в Казахстан, Узбекистан, а позже – в Сибирь, в трудовой лагерь для женщин и детей. Моя мать никогда не рассказывала об этих ужасах, а когда я пытался расспрашивать, всегда отвечала: «Прошлое осталось в прошлом, и лучше о нем забыть». Но иногда (хотя и очень редко) она все-таки упоминала, как таскала мешки, собирала зерно голыми руками, как в одном бараке с ней жили пятнадцать-двадцать человек. На всех была лишь одна печка-буржуйка и одно помойное ведро, которое периодически замерзало. Многие умирали от голода.

Когда моей матери было за тридцать, война уже давно закончилась. Вместе со своим первым мужем она эмигрировала в Соединенные Штаты. У них родился ребенок, но в скором времени муж ее бросил и вернулся обратно в Польшу. Потом моя мать разыскала свою мать – мою бабушку. Бабушка работала в Толидо – горничной в богатой семье.

Мама позвонила бабушке.

«Я к тебе приеду», – сказала она.

За несколько дней до приезда мамы моя бабушка закрыла ворота своего гаража и завела двигатель. Не было ни слез после долгой разлуки, ни расспросов, ни

слов утешений. Моя мама снова осталась одна. Теперь она была матерью-одиночкой и работала горничной в той же богатой семье, что и моя бабушка. Помимо этого, она училась в университете Толидо, где и познакомилась с моим отцом. Они сразу же влюбились друг в друга и быстро поженились – жестокий, надменный, обаятельный мужчина и надломленная красавица, которая думала, что сможет его изменить.

Но медовый месяц продолжался недолго. Первым делом после свадьбы мой отец потребовал, чтобы моя мать отказалась от сына от предыдущего брака. Он не хотел воспитывать ребенка от другого мужчины и настоял на том, чтобы она сдала его в детский дом. Снова и снова мать умоляла отца, чтобы тот разрешил забрать сына домой, но он неизменно отвечал отказом. Вскоре мать забеременела мной.

В детстве, когда я еще не умел говорить, меня преследовал один и тот же кошмар. Это была маленькая, демоническая фигура с неясными очертаниями. Она гналась за мной и грозила убить. Откуда я знал, что это было воплощение зла? Ведь мне тогда еще не рассказывали ни о добре, ни о зле, ни о Боге, ни о дьяволе, ни о рае, ни об аде... Еще одним персонажем моих ночных кошмаров было гигантское белое привидение, которое волокло меня в туалет родителей, приковывало к полу и щекотало до тех пор, пока у меня не перехватывало дыхание. Я чувствовал непреодолимую тяжесть и не мог встать. Хотелось бы сказать, что мои дальнейшие воспоминания будут исключительно светлыми, но это, к сожалению, не так.

Когда мне было пять лет, моя мать снова начала убиваться по поводу того, что ей не разрешают забрать старшего сына. И вдруг мой отец уступил. Уж не знаю, что делали с моим братом в детдоме, но, судя по всему, там с ним происходило что-то ужасное. Поначалу, когда он трогал меня, я очень стеснялся и терялся. С одной стороны, мне отчаянно не хватало родительской ласки, но с другой – я почему-то сразу понял, что так делать нельзя. Со временем прикосновения брата стали вовсе возмутительными и вызывающими. Он был на восемь лет старше меня – этот подросток в пубертатном возрасте, который не знал, что ему делать со своей сексуальностью. Я стал жертвой его любознательности.

Эти домогательства вошли у него в привычку, в конце концов я понял, что больше не могу все это терпеть. Я побежал к матери за подмогой. Она прихорашивалась перед зеркалом, собираясь идти в ресторан моего отца, где они работали день и ночь. Я плакал, тянул ее за рукав и умолял пресечь это

паскудство. Но мать только пренебрежительно отмахнулась.

«Это всего лишь щекотка. Забудь об этом», – вот и все, что она мне сказала.

На этом разговор был окончен.

Потом мой братец начал приглашать соседских парней, чтобы каждый из них мог со мной поразвлечься. Один из мальчишек, увидев, чем занимается мой брат, оттащил его от меня. Он закатил ему такую оплеуху, что братец перелетел через всю комнату. Потом этот парень повалил его на пол и стал избивать.

– Ты что, рехнулся?

Он ударил брата пару раз и снова заорал:

– Ты что, совсем ненормальный? Зачем ты это делаешь?!

Тут он увидел, что я испуганно стою и наблюдаю за происходящим. Парень посмотрел на меня своими голубыми глазами и сказал: «Все в порядке. Иди отсюда».

А я все стоял, застыв от восхищения. И был очень счастлив в этот момент.

– Все в порядке! Уходи уже! Убирайся отсюда! – закричал он снова.

И тогда я бросился оттуда со всех ног.

Парня этого звали Грег Хаффман. Он жил за пять домов от нас, в переулке возле ручья. Его мать была из тех светских леди в перчатках, с острыми садовыми ножницами в руках. Она постоянно работала в своем саду. Их приусадебному участку можно было только позавидовать – с амая зеленая трава, самые красные розы, а мама моего заступника всегда была доброжелательна и здоровалась со всеми прохожими. Я очень любил Грега, он часто гостил в нашем доме и имел на моего брата сильное влияние.

С того случая прошло два месяца. Брат ко мне больше не приставал. Но однажды он вернулся домой среди бела дня. Задыхаясь от рыданий, брат

вбежал в комнату. Таким я не видел его, пожалуй, никогда. Оказывается, Грега увезли в больницу, где ему делают срочную операцию на открытом сердце. В тот же день он умер.

Как могло произойти такое несчастье? Грег был моим кумиром, моим защитником, хотя ему было всего четырнадцать лет. Как Бог мог допустить такое? Как Он мог забрать Грега и снова оставить меня одного наедине с братом? Я возненавидел Бога. Я возненавидел мир и всех его жителей.

Я никогда не говорил моему отцу, что делал со мной брат. Мы жили в постоянном страхе, боясь навлечь на себя его гнев. Малейшая оплошность приводила его в бешенство, он рвал, метал и разносил мебель в щепки. Поэтому я не осмеливался ничего говорить, – я был уверен, что тот вытрясет из меня всю душу. Спасти в моем доме мог только человек-невидимка.

Но мне не хотелось быть человеком-невидимкой. Я мечтал о том, чтобы меня воспитывали, понимали и слышали, любили и ценили. Я хотел, чтобы моя семья была не хуже, чем семьи моих друзей. Теперь я уже знал, что у меня неблагополучная семья. Я видел, как другие дети гоняют мяч со своими отцами, как другие семьи собирают вещи в багажник и едут вместе на рыбалку или пикник. А я был изгоем. Я был ублюдком. Я был проклят. Зачем я появился на свет?

* * *

В Толидо даже погода какая-то тягостная. Весна и осень здесь замечательные, но холодная зима и тропически знойное и дождливое лето вгоняют в полупьяную одурь.

У нас в доме практически всегда был включен телевизор, но по нему не показывали ничего, кроме сцен смерти и насилия – передачи про войну во Вьетнаме, про сына Сэма[1 - Дэвид Берковиц (р. 1953) – американский маньяк. Шесть убийств.], про душителей с холмов[2 - Кеннет Бьянки (р. 1951) и Анджело Буоно (1934–2002) – американские маньяки. Двенадцать убийств.], Джима Джонса[3 - Джим Джонс (1931–1978) – лидер секты «Храм Народов» в Гайане, которая совершила массовое самоубийство в 1978 г.] и так далее и тому подобное.

И еще была религия. Эта тема приводила меня в полное замешательство. У моей матери была лучшая подруга – польская еврейка Баша. По пятницам мы ходили к ней встречать субботу. В праздничные дни мы зажигали менору и праздновали хануку. В силу понятных причин все, что мы делали в доме Баши, было запретной темой в нашем доме. Я держал язык за зубами, но однажды в дом Баши нагрянул мой отец и оттаскал мою мать за волосы. Так закончились наши еврейские традиции.

Мой отец был мусульманином и иногда приглашал мусульман в гости. Они истово умывали руки и лицо, расстилали коврики на полу, становились на колени и повторяли слова арабских молитв.

«Аллах акбар! Аллах акбар!»

Потом настало время идти в школу. Мой отец не мог отдать своего сына в бесплатную школу, потому что там учатся бедняки, а он был гордым. Но все частные школы возглавлялись католиками. Причем не просто католиками, а иезуитами.

Пропасть непонимания и стыда увеличивалась. Я не понимал католической веры. Все эти противные настоятели и злые монашенки в нелепых сутанах... Слишком уж все чинно и напоказ. Удушливые благовония, вкушение плоти и крови Христовой – мне мерещился во всем этом какой-то подвох. Я очень любил Иисуса Христа. Мне нравилось, когда нам рассказывали о Его учении. Иногда я даже молился Ему. Впрочем, из-за этих новых ритуалов я оказался в еще большем замешательстве. Только в одном я мог быть уверенным, и эта уверенность укрепляла мою веру. Я – изгой, я не такой, как все. Сидение, стояние, преклонение колен и крестные знамена на церковных службах сеяли в моей голове сомнения и ненависть к самому себе.

Общественное давление росло, а от него так просто не избавишься.

Это случилось через несколько месяцев, в первом классе школы святого Патрика. Моя классная дама была из бывших монахинь. Очень строгая и бесстрастная женщина. У входа в класс стояла чудесная новая рождественская елка, украшенная стеклянными шарами и гирляндами ручной работы. Учительница строго-настрого запретила приближаться к елке.

«Я запрещаю вам дотрагиваться до елки и даже подходить к ней! – предостерегла она, буравя нас взглядом. – Эти гирлянды...»

И тут я встал и направился к елке. Учительница замолчала. Все взгляды устремились на меня, я как сейчас вижу эту картину: маленький мальчик останавливается возле рождественской елки и одним быстрым движением руки валит ее на пол. Грохот был оглушительный. Я и сам не ожидал такого. Шары покатались, стеклянные гирлянды разлетелись вдребезги. Деревянные игрушки рассыпались и валялись на полу.

Учительница ахнула и застыла от возмущения.

Я пишу эти строки, и мне кажется, что все это было не со мной, что я наблюдаю это событие вместе с другими детьми, раскрыв рот от изумления. Но мне стало легче. Я выпустил пар.

Тут у учительницы открылось второе дыхание. Она вцепилась мне в руку, закричала и принялась шлепать меня. Я засмеялся. Я хотел удержаться от смеха, но не смог. Сначала я смеялся тихо, но потом смех перерос в громкий и безудержный хохот. Мой смех оказался заразительным – засмеялись другие дети, а мальчики – громче всех. Учительница аж затряслась от негодования. Она шлепала меня все сильнее и сильнее, пока у нее не устала рука, а я все смеялся и смеялся. Наконец она выбилась из сил. Ее руке было больнее, чем мне. Запыхавшаяся, раздосадованная и разбитая, она потащила меня к директору.

Мне испортили настроение. Мне было стыдно. Но в то же время я был в восторге. Я познал мой первый наркотик, мою первую зависимость – хулиганское поведение.

* * *

Стоя перед матерью на коленях, я умолял ее развестись с отцом. Когда мне было семь лет, моя мечта сбылась. Мать была сыта по горло. Отец оставил нам дом, а сам съехал. Мой брат ходил в школу при Военно-морской академии, и мы думали, что так будет лучше нам всем. Но все было не так просто...

Перпендикулярно нашему дому проходила оживленная улица. Я гонял на велосипеде, изо всех силенок крутя педали и не глядя по сторонам. Водители жали на тормоза, ревели автомобильные гудки, но на моем лице расплывалась улыбка до ушей, – даже губам было больно. Мне нравилось подвергать свою жизнь опасности, это безумие приводило меня в восторг. Я не хотел умирать медленно и мучительно, задыхаясь от дефицита любви и уважения к самому себе. Но я бы не сказал, что мне надоело жить. Я проклинал Бога, что Он довел меня до такого состояния в этой жизни, в этой семье, в этом городе.

Моя мать бросила школу для медсестер и устроилась в больницу, где работала в ночную смену. Теперь я ее почти не видел. Днем она пила снотворное и спала, а затем уходила на всю ночь. Когда я просыпался, на прикроватном столике всегда лежали пять долларов.

Я брал эти пять долларов и шел в загородный клуб. Я пропадал там часами, ел и играл возле ручья. Мне нравилось загорать. Клуб открывался весной, – я был его первым посетителем и ходил туда до самой осени.

В клубе работал дворник Томми. Ему было двадцать два года, у него были длинные каштановые волосы. Пожалуй, это был самый хладнокровный человек из всех, кого я когда-либо встречал в своей жизни. Томми был малообщительным и замкнутым парнем, – он просто делал свою работу. Однажды огромный рефрижератор с надписью «Coca-Cola» нахально припарковался возле самых дверей клуба. Медленной и твердой походкой Томми направился к грузовику. Вдруг он резко остановился и огляделся по сторонам: нет ли посторонних? И тут он увидел меня. Томми улыбнулся, – это была широкая величественная улыбка Чеширского Кота. Затем он достал стальную бабочку из кармана своих шорт. Со знанием дела он раскрыл лезвие и с невероятной ловкостью, удерживая предохранитель большим пальцем руки, плавно погрузил нож в массивную черную шину. Воздух вышел с протяжным судорожным свистом, но этого никто не заметил, кроме меня. Так Томми стал моим героем.

Ночами, после закрытия клуба, я перепрыгивал через забор, и мы с Томми закуривали по сигарете. Тропически знойными, душными летними вечерами мы с ним лежали в шезлонгах, смотрели на звездное небо, слушали неумолчный стрекот цикад и погружались в транс. Я рассказывал Томми о моих злоключениях, но никогда не вдавался в подробности. А он просто слушал и не задавал лишних вопросов.

С ним я чувствовал себя в безопасности. Мне хотелось, чтобы этим ночам не было конца. Я засыпал, и Томми тоже, но потом он тряс меня за плечо и говорил: «Ладно, малыш, иди домой. Тебя ждут».

Клуб был моим храмом. В восемь лет я записался в секцию плавания. Я отзанимался уже два года, когда нам назначили нового тренера. Брайан был симпатичным волевым парнем тридцати лет с небольшим. У него была очаровательная девушка, и весь день он загорал возле бассейна, – такая у него была работа. Любо-дорого поглядеть. Я хотел быть таким же, как Брайан.

На следующий год Брайан сказал, что хочет взять меня в поход. Я никогда не жил в палатках и не мог дождаться назначенного срока. Но, с другой стороны, меня мучили смутные подозрения... Иногда после уроков плавания, когда другие дети шли домой, я сидел в джакузи и пытался согреться после бассейна. Мне некуда было идти. Брайан был моим товарищем, но у него была эта странная привычка. Он клал руку мне между ног и интересовался, не хочу ли я сыграть в игру «Акулята в бассейне»? Я хмурился и отнекивался. Инстинкт подсказывал мне, что Брайану стоит дать в морду, но я боялся портить с ним отношения и, надо сказать, дорожил его обществом. Поэтому делал вид, что ничего особенного не происходит.

С тяжелым сердцем я согласился идти в этот поход. Я никогда не был в подобных путешествиях, мое любопытство только росло, и, надо полагать, это было скорее упрямство, которое одержало верх над моим чувством самосохранения. Сдается мне, что у Брайана имелись очень веские основания, чтобы взять меня в поход, и он своего добился – я оказался с ним один на один в лесу, вдалеке от города, где никто не слышал моих криков о помощи.

После этого я навсегда порвал с моим кумиром, которому доверял. Брайан лишил меня детства, он украл у меня единственное место, где я мог чувствовать себя в безопасности, где я мог быть ребенком. Я забросил бассейн и спортивные соревнования.

Я хотел рассказать все Томми, но...

Был конец августа. Кто-то громко и настойчиво стучал в дверь. Я подумал, что это мой друг Тедди, но ошибся. Это была моя подружка Меган. Она получила новенькие права и звала прокатиться на машине. Я открыл дверь, и Меган

спросила меня, глупо хихикая:

- Слышал про дворника?

- Томми? - спросил я.

- Наверное, - протянула она. - Наверное, это он и есть. Дворник.

- Что? О чем ты?

- Он мертв.

- Что ты мне морочишь голову?

- Он мертв, - повторила она, нервно смеясь.

- Что за ерунду ты несешь, безмозглая сука?! Он жив! Я говорил с ним прошлой ночью.

- Ну и что с того? Он мертв.

- Он жив, мать твою!

Во рту пересохло, глаза воспалились.

- Он умер, придурок! Он упал с лестницы и свернул шею.

Я громко захлопнул дверь. Сдерживая непрошеные слезы, я слышал, как машина Меган набирает скорость и затихает вдалеке. Я вернулся в свою комнату и закрыл дверь. Меня оскорбили. Я был готов взорваться от негодования. Я свернулся калачиком и прижался коленками к полу.

«Нет, нет, нет... - я сжимал зубы и стонал. - Нет, нет и еще раз нет!»

Я начал бить кулаками по ногам - сначала по бедрам, а потом по голениям. «Нет! Нет! Нет!» Вся прежняя детскость, которая была во мне, улетучилась в тот

самый день. Я гнил заживо в этом мрачном, незнакомом мире. Все, кого я знал, либо умирали, либо вели себя как подонки. В итоге я сам стал плохим. Мой характер стал плохим. Моя душа почернела.

* * *

В школе я был сущим наказанием. Я дрался, хулиганил, пропускал занятия, получал плохие оценки. В шестом классе меня оставили на второй год, – так учителя пытались меня воспитывать, поливая керосином мой костер стыда и одиночества. Я был несносным сорванцом.

В Огайо семидесятых и восьмидесятых годов было неслыханным делом, чтобы дети ходили в винные магазины и покупали родителям выпивку и сигареты. Однажды вместе с моим лучшим другом Тедди Папенхагеном я пошел покупать сигареты для его мамы. В магазине мы захватили еще три бутылки ликера «Mad Dog 20/20», а затем пошли в лесок и напились до чертиков. Еле стоя на ногах, мы вернулись обратно к «Арби» и слопали целый поднос картошки фри. Тедди надеялся, что закуска впитает в себя алкоголь и мама не заметит, как его развезло. Я не разделял его страхов. Мне нравилось быть пьяным. Это было прекрасно. Я чувствовал себя сильным, смелым и отважным. Непобедимым. Выпивка стала моим новым лучшим другом.

Вскоре я напивался практически каждую пятницу. Соседские ребята прознали, что моя мама уходит в половине одиннадцатого, и каждый вечер дом остается без присмотра. Я говорю не о хороших детях. Эти дети были такими же, как я сам, – забытыми и брошенными, для них были хороши любые средства, только бы почувствовать себя востребованными. Когда мне предлагали кружку, банку или бутылку, я выпивал ее залпом. А потом мне предложили колеса – «желтые курточки», «черные красотки». Я проглатывал их целиком.

Я потерял девственность в двенадцать. Когда это все происходило, было здорово, но, вернувшись домой, я залез в душ и долго стоял там, шмыгая носом. Я чувствовал себя грязным. Мне казалось, что я переступил какую-то невидимую черту, которую не должен был переступать – по крайней мере, в этом возрасте. Но, в конце концов, если девчонка хотела заняться со мной сексом, – я соглашался. И далеко не всегда это были хорошенькие стройные девушки, – мне годилась любая.

У меня постоянно были девушки, и я всегда им изменял. Так появилась моя новая зависимость – желание быть востребованным. И это был самый сильный наркотик из всех.

* * *

Выходные пролетали в пьяном угаре вечеринок. Иногда они плавно перетекали в будние дни. Я учился в шестом классе второй год подряд и довольно часто утром понедельника приходил в школу, еще не протрезвившись после вчерашнего.

Однажды рано утром, после ночи на декседрине[4 - Дексамфетамин (декседрин) – психостимулятор.] я лежал в постели и пытался заснуть. Вчера я прогулял школу, но я никогда не любил пропускать школу два раза подряд, потому что учителя это замечали и задавали ненужные вопросы. Мое сердце колотилось, как овечий хвост, – казалось, что еще немного, и оно выпрыгнет из груди. Я перебрал с колесами, потому что никогда не умел останавливаться. Я услышал, как открываются ворота гаража – моя мама вернулась с работы, а мне пора вставать и идти в школу.

Я вылез из постели и поплелся в душ, чтобы смыть с себя запах сигарет. Затем быстро оделся, ловко разминулся с мамой и выскользнул за дверь. Попутно я захватил двухлитровую бутылку пепси из холодильника и горсть мармеладных мишек из буфета. Я часто пил пепси на завтрак – это было время конкуренции кока-колы и пепси, и кока-кола еще не вышла из схватки победителем. Я стоял на автобусной остановке с двухлитровой пепси. На улице был сильный мороз, но мое тело и дыхание были горячими от амфетаминов, сахара и кофеина, которые бежали по моим жилам. Мягко говоря, мне нездоровилось.

Поездка на автобусе прошла как в тумане. Подъезжая к школе, я вдруг вспомнил, что сегодня вторник. По вторникам мы ходили на мессу. Я совсем разболелся, мои нервы были на пределе. Меня бросало то в жар, то в холод. На богослужении я занял свое место на скамейке. Вдруг у меня начался такой приступ паники, каких я не знал раньше. Кругом тишина, полное безмолвие. Лишь мое сердце громко колотится в груди. Я чувствовал свое сердце, я его слышал. Потом мне вдруг показалось, что я падаю навзничь. Из горла рвался крик, но я знал, что лучше не кричать. Я живо представил себе, как они волокут меня за двери – все эти монашенки и священники, разжиревшие служители

Господа. Я представил себе, как они вяжут меня в смирительную рубашку и запирают в палате с мягкими стенами. В голове сверкнула яркая, словно молния, вспышка, и снова возникло это ощущение падения навзничь. Я ловил ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег. Рядом сидел мой друг Джо Остефи. Это был смешной мальчишка – лопухий губошлеп, но девчонки его любили. Я схватил Джо за ногу и прошептал: «Чувак, я сейчас упаду в обморок».

– Что? – переспросил он.

– Тише! – прикрикнула учительница.

Я откинулся на скамейку, мои зубы и кулаки крепко сжимались, желудок трепыхался в судорогах. Я опять прошептал: «Похоже, я падаю в обморок».

Я приподнялся, собираясь смыться оттуда. Но Джо положил свою руку мне на плечо и сказал, ухмыляясь: «Сядь. Сядь. Что ты делаешь?» Я сел, и тут мою задницу пронзило как огнем.

– Ой-ой-ой!!!

Джо прыснул от смеха, да и другие мальчишки покатались со смеху вместе с ним. Оказывается, он исподтишка подложил мне кнопку. Боль была невыносимой. Вскоре смех затих. Над нами высилась учительница. Нас повели к директору, но зато мой панический приступ прошел. Я больше не слышал своего сердца. И не валился навзничь со скамейки. В этот момент я понял, что, когда я пытаюсь развлечь себя, страхи и ураганы в моей душе затихают.

Когда я находился в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, мне казалось, что панические приступы под контролем и в этот момент я – душа общества, я могу говорить с кем угодно, о чем угодно, могу развлекаться. И все было замечательно до тех пор, пока мои друзья не начинали расходиться по домам. Я снова оставался один, не мог заснуть и всю ночь смотрел телевизор в своей комнате. Как-то у меня возникла бредовая идея, что Джонни Карсон[5 - Джонни Карсон (1925–2005) – американский телеведущий и журналист.] – мой отец. Я выдумал эту иллюзию и лелеял ее. Она пришла мне в голову, когда я был в еще более юном возрасте, наверное лет в пять, и я носился с этой странной фантазией еще лет пятнадцать. Хвала Богу за Джонни Карсона.

У нас было всего четыре канала – ABC, NBC, CBS, PBS. Дэвид Леттерман[6 - Дэвид Леттерман (р. 1947) – американский комик и телеведущий.] желал спокойной ночи зрителям, затем исполнялся государственный гимн, и вещание прекращалось до следующего утра. Только серая рябь на экране. Я опять оставался один.

Когда я был в одиночестве, я становился уязвимым. Тогда ко мне и подкрадывались эти невыносимые панические приступы. Они надвигались на меня, как тень товарняка. Я даже не мог выйти из дома – лишь лежал на диване и ловил ртом воздух, а мое тело корчилось в судорогах, кулаки сжимались, зубы скрежетали, желудок съеживался. Я лежал в позе эмбриона и раскачивался взад и вперед. Впрочем, я заметил, что, если достаточно крепко укусить себя за руку, приступ ослабеваает, а может и вовсе прекратиться. Но чаще всего я просто накрывался с головой уродливым и тяжелым шерстяным одеялом и ждал, когда все наконец закончится. Я лежал под одеялом, кусал себя за руку и молил Бога о помощи, а когда приступ не прекращался, я роптал: «Мать твою! За что Ты так поступаешь со мной?»

В самые худшие часы моей жизни я молил Бога, чтобы Он послал мне смерть.

Но в 1982 году произошло нечто удивительное: у меня появилось кабельное телевидение и приставка «Atari». А у Тедди была приставка «Activision». Вскоре появился канал MTV, и мир стал другим. Теперь я знал, что в любое время дня и ночи могу убежать от реальности. Мало что могло скрасить мое тяжелое детство: партии в теннис Джона Макинроя[7 - Джон Макинрой (р. 1959) – американский теннисист, бывшая первая ракетка мира.], выступления комика Эдди Мерфи[8 - Эдди Мерфи (р. 1961) – американский комедийный актер и кинорежиссер.], панк-рок, фильмы «Девушка из долины»[9 - «Девушка из долины» – американская комедия 1983 г.], «Беспечные времена в “Риджмонт-Хай”»[10 - «Беспечные времена в “Риджмонт-Хай”» – американская молодежная комедия 1982 г.], видеоклип «Триллер» Майкла Джексона[11 - Майкл Джексон (1958–2009) – культовый американский певец.], брейк-данс и романтические отношения с Кори Кифер.

Но были времена, когда я не видел другого способа пережить ночь, кроме как напиться. Слишком часто, возвращаясь домой с работы, моя мама поскользнулась на заблеванном мною полу, а я валялся неподалеку – мертвецки пьяный. Она ругала меня за весь этот бардак и боялась, что я умру, захлебнувшись собственной блевотиной.

И тем не менее надо сказать, что, если бы не эти механизмы психологической адаптации и общение с такими же сорванцами, как я сам, я мог бы закончить свою жизнь самоубийством. Когда мы учились в четвертом классе, мой одноклассник Чарли Во покончил с собой. Мы сидели за одной партой и были хорошими друзьями. Это была очень тяжелая потеря, но в тот момент я подумал: «Я – хозяин своей жизни, и, если понадобится, эту свечу можно задуть навсегда».

* * *

Когда мне было двенадцать лет, я попросил у отца кроссовки Nike, которые стоили шестьдесят долларов. Я собирался танцевать в них брейк-данс.

«Но у тебя уже есть кроссовки, – возразил он. – Зачем тебе еще одна пара этой проклятой обуви?»

«Да, у меня есть одни кроссовки», – согласился я. Но мне так хотелось иметь еще и Nike, что это желание свербело во мне, как шило в заднице. Разгорелся скандал, и отец применил ко мне свой фирменный удар, и из-за массивных золотых президентских «Ролексов» на запястье его левой руки мне было очень и очень больно. Несколько дней мы не разговаривали.

Однажды вечером, вскоре после этого эпизода он взял меня с собой в мой любимый ресторан «Дубовая бочка», где заправлял самый веселый и самый отважный человек, которого я знал. Его звали Гус. Мне незнакомы чувства других детей, когда их берут в Диснейленд, потому что я никогда не был в Диснейленде, но, переступая порог «Дубовой бочки», я радовался ничуть не меньше, чем дети в Диснейленде. В воздухе витал табачный дым, и собирались в этом заведении персонажи, достойные фильмов Мартина Скорсезе: Томми «Лицо со шрамом» Байерс, Лео «Сутенер», Рикки «Гангстер» Скавьяно, Майами Майк, Билли Скотт и Бутч Уилсон. Гус был наполовину сицилиец, наполовину грек. Его мать зналась с печально известной Пурпурной бандой Детройта. Он всегда отрицал, что замешан в мафиозных делах, но в этих делишках, несомненно, были замешаны его гости. Они водили «Каддилаки» и «Олдс-мобили Торнадо». Одни носили массивные золотые цепи и «котлеты» денег. Другие наряжались в меховые шубы в пол. Я был очарован ими всеми. Эти ребята стали для меня образцами для подражания. Гус вселял в меня уверенность, – он всегда умел

рассмешить гостей. Я хотел поскорее вырасти и стать таким же, как он.

И вот Гус остановился возле нашего с отцом столика. Он хорошо знал мою семью и чувствовал напряженность между папашей и мной. Я даже не поднял головы.

Гус спросил отца: «Что с ним стряслось?»

– Он хочет проклятые кроссовки за шестьдесят долларов.

Гус опустил руку в карман и достал пачку банкнот. Все-таки он был славный малый.

Отец ударил кулаком по столу: «Не давай ни цента! Хочешь помочь, дай ему работу».

Гус рассмеялся и спросил: «Тебе нужна работа?»

Я выпрямился.

– Да.

– Ты это серьезно? – захохотал Гус.

– Да.

Я хотел получить эту работу не только потому, что мне хотелось позлить отца, – я также хотел сойтись поближе с Гусом и с ребятами из «Дубовой бочки».

«Придешь завтра днем, – велел Гус. – Быть здесь к половине пятого».

На следующий день я явился на час раньше назначенного срока, и мне выдали огромный резиновый передник, который был слишком велик для двенадцатилетнего мальчика ростом один метр и пятьдесят пять сантиметров. Я могу поклясться, что этот передник весил не меньше двенадцати килограммов. Мы вязали его сзади морским узлом, чтобы он не свалился с плеч мне под ноги. Но, несмотря ни на что, у меня была работа, и я был счастлив.

Мне платили шесть долларов в час. В ту же пятницу я заработал за вечер тридцать шесть долларов, а в субботу – еще сорок два. В воскресное утро с гордо поднятой головой я явился в обувной отдел «Саутвик Молл» и громко, приказным тоном скомандовал продавцу, который был старше меня вдвое: «Принеси мне пару ярко-красных кроссовок Nike с высоким подъемом, тридцать девятого размера и на липучках».

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Дэвид Берковиц (р. 1953) – американский маньяк. Шесть убийств.

2

Кеннет Бьянки (р. 1951) и Анджело Буоно (1934–2002) – американские маньяки. Двенадцать убийств.

3

Джим Джонс (1931–1978) – лидер секты «Храм Народов» в Гайане, которая совершила массовое самоубийство в 1978 г.

4

Дексамфетамин (декседрин) – психостимулятор.

5

Джонни Карсон (1925–2005) – американский телеведущий и журналист.

6

Дэвид Леттерман (р. 1947) – американский комик и телеведущий.

7

Джон Макинрой (р. 1959) – американский теннисист, бывшая первая ракетка мира.

8

Эдди Мерфи (р. 1961) – американский комедийный актер и кинорежиссер.

9

«Девушка из долины» – американская комедия 1983 г.

10

«Беспечные времена в “Риджмонт-Хай”» – американская молодежная комедия 1982 г.

11

Майкл Джексон (1958–2009) – культовый американский певец.

Купить: <https://tellnovel.com/halil-rafati/ya-zabyl-umeret-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)